

УДК 572

DOI: 10.17223/2312461X/22/5

ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ СВОЕОБРАЗИИ НАСЕЛЕНИЯ ТОМСКА XVII–XVIII вв.

Иван Григорьевич Широбоков

Аннотация. Статья посвящена анализу краниологической характеристики жителей Томска XVII–XVIII вв. в контексте недавних исследований Д.В. Пежемского. Показана принципиальная невозможность проверки гипотезы о межисследовательских расхождениях в фиксации краниометрических признаков у томичей между С.М. Чугуновым и В.А. Дремовым путем оценки различий между средневывборочными значениями признаков при помощи t-критерия. Показана некорректность статистического тестирования значимости различий между морфологическими типами, выделяемыми на основе визуальной или статистической оценки. При помощи расчета расстояний Махаланобиса (D^2) выделена группа краниологических серий с территории Прикамья, Урала, северных и центральных областей европейской части России, морфологически близких к томской выборке. Дано историческое обоснование неслучайности выявленного межгруппового сходства жителей Томска, Прикамья и Урала, по всей видимости, являющегося результатом включения в состав выборок одних и тех же групп переселенцев, связанных своим происхождением с территорией Центрального и Восточного Поморья. Это объяснение является наиболее вероятным даже с учетом того обстоятельства, что изменчивость краниометрических показателей локальных групп населения Поморья по-прежнему изучена недостаточно.

Ключевые слова: физическая антропология, краниология, Западная Сибирь, история Томска

Введение

Поводом к написанию данной статьи послужили две недавние публикации Д.В. Пежемского, посвященные особенностям формирования антропологического состава населения Томска и сопоставимости его краниологических характеристик, полученных в ходе исследований предшественников (Пежемский 2017а; 2017б). Исследователем анализируются краниологические материалы, происходящие из раскопок православных кладбищ г. Томска XVII – начала XIX в., изученные и опубликованные С.М. Чугуновым в 1905 г. Тогда же большая часть скелетов была перезахоронена, а спустя многие десятилетия оставшиеся черепа были повторно обследованы по более широкой программе В.А. Дремовым (Дремов 1998).

На основании собственных статистических расчетов Д.В. Пежемский пришел к выводу о методических расхождениях в фиксации

некоторых признаков лицевого скелета между С.М. Чугуновым и В.А. Дремовым при отсутствии значимых отличий по большинству измерений. Кроме того, исследователем были выявлены статистически значимые различия между краниологическими типами, выделенными внутри томской выборки С.М. Чугуновым, показавшие «абсолютную реальность морфологических различий между “русско-славянским” и “русско-инородческим” типами» (Пежемский 2017а: 110). Результаты сравнительного межгруппового анализа, проведенного при помощи канонического дискриминантного анализа, привели Д.В. Пежемского к выводу о своеобразии краниологической характеристики населения Томска по сравнению с городским населением Европейской России. Дополнительный межгрупповой анализ, результатам которого посвящена вторая статья, был проведен на более широком сравнительном фоне с привлечением краниологических материалов, характеризующих как русское, так и некоторые группы аборигенного населения Сибири. Новые данные подтвердили заключение о существенных антропологических отличиях мужской томской выборки от европейских групп русского населения, в том числе проживающих на территории Северо-Запада и Русского Севера, а также позволили выявить механическую примесь местного населения (предположительно чулымских татар). Вместе с тем исследователю представляется, что ослабление европеоидных черт в женской части выборки не связано с включением в ее состав представителей томских или чулымских татар, и его причины еще предстоит объяснить в дальнейшем (2017б).

Данная публикация преследует две цели: 1) попытаться оценить обоснованность наиболее важных выводов Д.В. Пежемского с методической точки зрения; 2) провести межгрупповой анализ краниологической характеристики томичей в контексте исторических сведений о первопоселенцах Томска.

Проблема межисследовательских расхождений

Заключение о методических расхождениях в фиксации ряда признаков между С.М. Чугуновым и В.А. Дремовым, возможно, справедливо, но требует важного уточнения. Какие-либо данные, позволяющие оценивать расхождения при измерении конкретных черепов, в распоряжении современных исследователей отсутствуют, при этом выборка В.А. Дремова значительно уступает по объему чугуновской. Проведение анализа осложняется также тем обстоятельством, что в публикации В.А. Дремова приводятся только численности наблюдений, но не указаны стандартные отклонения признаков в измеренных им и С.М. Чугуновым выборках¹. Для оценки расхождений Д.В. Пежемский воспользовался *t*-критерием Стьюдента, условно приняв среднеквадрати-

ческие отклонения признаков равными средним значениям показателей по данным В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца (Алексеев, Дебец 1964). Корректность проведения такого анализа вызывает сомнения. Во-первых, исследователем признается морфологическая неоднородность серии, следовательно, можно ожидать, что некоторые из признаков характеризуются повышенной изменчивостью, игнорирование которой ведет к увеличению вероятности ошибки первого рода. Во-вторых, сомнительной является сама возможность определения методических расхождений между исследователями при помощи *t*-критерия.

Череп, измеренные В.А. Дремовым, фактически являются выборкой из чугуновской серии, которую в данном случае можно рассматривать в качестве генеральной совокупности (редкий случай в антропологии). Является ли одинаковой для всех краниометрических признаков априорная вероятность отклонения средневыворочного значения от истинного среднего, характеризующего генеральную совокупность? Очевидно, что нет, поскольку у краниометрических признаков различается величина коэффициентов вариации. Для оценки такой априорной вероятности ориентиром может служить не выборочная, а стандартная величина коэффициента, рассчитанная В.П. Алексеевым и Г.Ф. Дебцем (1964: 123–125). При условии отсутствия методических расхождений между исследователями можно полагать, что чем выше относительная изменчивость признака, тем больше вероятность отклонения его средневыворочного значения, полученного В.А. Дремовым, относительно среднего значения, рассчитанного С.М. Чугуновым для генеральной совокупности. Сравнение величин вычисленного Д.В. Пежемским значения *t*-критерия и стандартного коэффициента вариации конкретных признаков показывает, что между ними существует положительная связь (рис. 1).

Из общего ряда признаков выбивается лишь ширина орбиты, отклонение среднего значения которой у В.А. Дремова весьма значительно. Ранговая корреляция между значениями *t*-критерия и средними величинами коэффициента вариации соответствующих признаков без учета ширины орбиты является высокой и статистически значимой ($r_s = 0.78$, $p = 0.014$). Возможно, именно в особенностях фиксации ширины орбиты от дакриона и следует искать причины расхождений средних значений признаков между исследователями. Это утверждение может считаться справедливым при условии, что указанный признак не характеризуется повышенной изменчивостью в выборке, а выборка является случайной по отношению к чугуновской. Как указывалось выше, сведения о выборочных показателях изменчивости признаков в публикациях отсутствуют. При этом В.А. Дремов полагает, что расхождения в значениях признаков отчасти объясняются присутствием в чугуновской выборке большего числа черепов раннего периода (Дремов 1998: 144).

Следовательно, выборка первого, строго говоря, не может считаться случайной по отношению к материалам С.М. Чугунова.

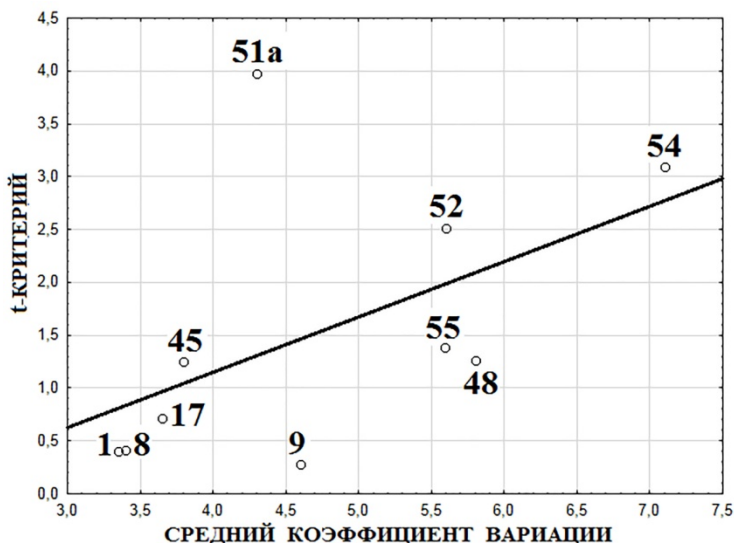

Рис. 1. Средние значения коэффициентов вариации признаков по В.П. Алексееву и Г.Ф. Дебецу (1964) и значения t-критерия, рассчитанные Д.В. Пежемским

Таким образом, в рассматриваемом случае причины различий между краниометрическими характеристиками, полученными двумя исследователями, принципиально не могут быть выяснены без учета информации об измерениях конкретных черепов, а наиболее вероятные методические расхождения связаны с особенностями измерений ширины орбиты. Следует подчеркнуть, что применение t-критерия не позволяет избежать ошибок обоого рода: с одной стороны, существует относительно высокий риск выявления ложных различий, обусловленных выборочным эффектом, с другой стороны, реальные, но небольшие систематические расхождения при таком подходе не могут быть выявлены принципиально.

Проблема подтверждения реальности морфологических типов

Может показаться странным, что для оценки вероятности повышенной изменчивости конкретных признаков (например, той же ширины орбиты) мной не были использованы данные о различиях в характеристиках между морфологическими типами томичей, выделенными С.М. Чугуновым. Как указывалось выше, Д.В. Пежемским (при помощи t-критерия и стандартных среднеквадратических отклонений) были выявлены статистически значимые различия между ними и показана их морфологическая реальность.

Представляется, однако, что показанные исследователем различия между «руско-славянским» и «руско-инородческим» типами являются одновременно реальными и малополезными с исследовательской точки зрения. С.М. Чугунов выделил типы, основываясь на визуальной оценке степени морфологического сходства и различий между черепами. История такого подхода к анализу материалов по своей длительности не уступает истории самой физической антропологии. На результаты такой оценки так или иначе влияют размерные характеристики различных элементов черепа, которым исследователем придается большее или меньшее значение для дифференциации выборки. Даже если параметры, на которые краниолог обращает особое внимание при выделении типов, не имеют прямых краниометрических аналогов, существование связей между ними не должно вызывать сомнений. Статистические различия между типами по отдельным метрическим признакам будут выявлены в любом случае. Сами по себе они будут свидетельствовать об отражении в типах неких биологических или популяционно-исторических закономерностей не больше, чем факт обнаружения статистически значимых различий между черепами, разделенными на две группы по принципу «большие» и «маленькие».

Условия применения t-критерия Стьюдента предполагают, что сравниваемые выборки случайны, т.е. изменчивость характеристик, подвергающихся анализу, не задается и не ограничивается исследователем. Тестируемые выборки можно разделить на подгруппы, опираясь на внешние (археологические, топографические и др.) данные или данные независимых систем антропологических признаков. Однако некорректно выделять типы, опираясь на те же признаки, различия между которыми (или между признаками, связанными с ними устойчивыми корреляциями) затем подвергаются статистическому анализу для подтверждения реальности типов. Казалось бы, абсурдность проведения такого «анализа» особенно отчетливо проявляется в попытках оценки различий между типами, выделенными на основании статистических расчетов (как правило, при помощи кластерного анализа). Однако именно такой подход получил в последние годы среди отечественных антропологов широкое распространение (см. например: Фризен, Нечвалода 2007; Фризен, Пестряков 2010; Святова, Ражев 2014; и др.). Его применение практически не вызывает нареканий со стороны коллег в печати (однако см.: Козинцев 2016).

Воспользовавшись каноническим дискриминантным анализом для межгруппового сопоставления выборки томичей и выделенных С.М. Чугуновым типов, Д.В. Пежемский пришел к заключению, что аналогии русско-славянскому типу среди привлеченных к анализу европейских серий отсутствуют (2017a: 112). С другой стороны, исследователь обнаружил сближение черепов тюрко-монгольского типа с сериями чу-

лымских тюрок у мужчин и отсутствие близкого сходства между теми же группами у женщин (2017б: 154–155). Ни то ни другое не должно вызывать удивления. Можно получить интерпретируемые или труднообъяснимые результаты анализа, но следует признать, что в действительности мы не обладаем информацией о возможности выделения морфологических типов, изменчивость характеристик которых была бы обусловлена не только представлениями исследователя о популяционной истории региона, но и в силу исторической объективности своего существования. Применение t-критерия для оценки статистической значимости различий между типами не приближает нас к решению этой проблемы.

Исходя из данных С.М. Чугунова, можно лишь с высокой долей вероятности предполагать присутствие в серии томичей черепов монголоидного или смешанного монголоидно-европеоидного облика (об этом свидетельствуют и данные небольшого исследования А.Н. Багашева (Багашев, Антонов, 2002)). Однако конкретные краниометрические характеристики соответствующих им в составе томской выборки подгрупп, исторически сложившихся на территории Сибири, к сожалению, не могут быть сегодня установлены.

Краниологическое исследование

Закключение Д.В. Пежемского о морфологическом своеобразии краниологической характеристики жителей Томска отчасти объясняется выбором того круга краниологических серий, данные по которым были использованы в сравнительном анализе (причины его ограничения исследователь оговаривает отдельно). Но наиболее существенным здесь представляется влияние факторов, ограничивающих в целом возможности популяционных исследований в краниологии. Как это часто бывает при работе с антропологическими материалами из памятников поздних периодов, история которых хорошо освещена письменными источниками, на первый план отчетливо выступает относительно низкая информативность краниологических данных как исторического источника. К сожалению, краниологические серии, как правило, плохо вписаны в исторический и археологический контекст памятника из которого происходят (особенно если это материалы старых раскопок). Информация о датировках конкретных погребений, погребальном инвентаре, топографии, которая могла быть использована антропологом для выделения подгрупп внутри выборки, часто отсутствует, а численность и сохранность костей в самой выборке оставляет желать лучшего, вынуждая исследователей прибегать к широким территориальным и хронологическим обобщениям материалов.

Кроме того, так сложилось в силу разных причин, что число находящихся на хранении в музейных фондах краниологических серий на

несколько порядков уступает числу археологически обследованных погребальных комплексов. Вплоть до настоящего времени некоторые регионы России сохраняют статус белых пятен в истории краниологических исследований. Такая ситуация обуславливает узость круга тех материалов, которые потенциально могут быть привлечены для проведения популяционно-исторического анализа. С другой стороны, даже поверхностное знакомство с историей формирования населения того или иного города показывает, насколько существенной является недоступная антропологам возможность сопоставления узких хронологических и территориальных групп для проверки различных гипотез о происхождении местных жителей. Томск в этом отношении не является исключением.

Письменные источники свидетельствуют о том, что первопоселенцы Томска связаны своим происхождением с разными регионами европейской части современной России, а отчасти также и Украины, Беларуси, Литвы и Польши. В некоторых источниках XVII в., например в именной книге служилых людей 1680 г., указаны конкретные места происхождения местных жителей. В списках фигурируют географически весьма отдаленные друг от друга населенные пункты, но большая часть из них связана с Русским Севером. По несколько раз упоминаются такие географические названия, как Москва, Казань, Великий Новгород, Устюг, Соль Камская, Соль Вычегодская, Холмогоры, Вологда, Вычегда, Мезень, Пинега, Лальский погост, Яренский уезд, Березов, Сургут (Томск... 1911; Русские старожилы... 1973). Решающая роль населения Поморья в заселении Западной Сибири в XVII в. признается большинством исследователей (см. например, обзор в: Добрыднєв 2003). Ряды переселенцев пополнялись также за счет пеших и конных казаков, разнородных по этническому составу, ссыльных из числа «литвы», «черкасов», поляков, людей неизвестной «породы» (Зуев, Люцидарская 2010). При Петре I в Томске появилась новая группа ссыльных – военнопленных шведов–протестантов, а при Екатерине II – новые группы поляков-католиков, сторонников польского короля Лещинского. Принятие православия значительно облегчало условия жизни ссыльных и давало возможность заключения браков. Однако многие ссыльные сохраняли прежнюю веру, особенно те, кто планировал вернуться на родину. Далеко не всем из них это удавалось, а после смерти их тела хоронили отдельно от мест упокоения православных горожан. В письменных источниках сохранились сведения об «иностраннных» кладбищах, существовавших в Томске в XVII–XVIII вв. (Ханевич 2015: 54–57).

В XVIII в. граница России в Сибири продвинулась к югу, и положение Томска изменилось – он превратился в крупный центр ремесленного производства, большую часть которого составляли цеховые и посадские люди. Огромное значение имело устройство Сибирского тракта,

обеспечившего сухопутное соединение между Томском и Москвой, Казанью, Екатеринбургом с западной стороны, а также между Томском и Красноярском, Иркутском и Кяхтой – с восточной (Жеравина 1979). Участок Тара–Томск был заселен к 80-м гг. XVIII в., а процесс заселения и устройства Красноярского и Иркутского участков растянулся до 30-х гг. XIX столетия, хотя начало функционирования тракта относится к концу XVI – началу XVII в. (Катионов 2004).

Обобщая исторические сведения, можно предположить, что истоки местного населения следует искать на широкой территории северных и центральных районов европейской части России, а также Украины и Беларуси. Данными о населении Литвы и Польши можно пренебречь. Численность представителей последних групп среди погребенных, по вероятности, можно считать пренебрежимо небольшой, так как в нашем распоряжении находятся только сведения о материалах из раскопок православных кладбищ.

С одной стороны, у нас есть лишь информация о средних значениях краниометрических признаков в томской выборке, но не об их изменчивости, а с другой стороны, сравнительные материалы для части северных территорий, с населением которых письменные источники позволяют связывать происхождение первых поколений томичей, полностью отсутствуют. По этим причинам подбор сравнительных серий по единичным населенным пунктам и кладбищам, исключение из анализа сельских серий «из-за глубинных различий между городским и сельским населением» (Пежемский 2017а: 113) вряд ли можно считать наилучшим подходом. Имеющиеся сведения о томской серии просто не позволяют оценить вклад конкретных групп в формирование ее состава, в том числе и вклад групп сибирского происхождения. Представляется, что в сложившихся условиях единственный приемлемый выход заключается в привлечении к анализу широкого круга серий, датировки которых в большей или меньшей степени совпадают с датировкой томской выборки и которые по возможности должны быть объединены в группы по региональному принципу для снижения выборочного эффекта.

При помощи методов многомерной статистики мы можем проверить, насколько хорошо предположение о связях томичей с населением указанных территорий согласуется с обобщенными краниометрическими характеристиками соответствующих групп. Соответствующая оценка проводилась путем вычисления расстояний Махаланобиса (D^2) между томской серией и краниологическими выборками с территории европейской части России и ближнего зарубежья на материалах мужских черепов². Анализ осуществлялся по материалам мужских выборок с учетом группы из 12 признаков (№ по Мартину и др.): 1, 8, 17, 9, 45, 48, 55, 54, 52, 77, zm' , 75(1). Поскольку малое число наблюдений можно компенсировать большим числом признаков, но не наоборот (Козинцев

1980), а также учитывая важное дифференцирующее значение углов горизонтальной профилировки, для сопоставления выборки томичей использовались данные В.А. Дремова. Вычисление расстояний Махаланобиса осуществлялось в программе STATISTICA 12.0 по результатам канонического дискриминантного анализа, проведенного при помощи программы И.А. Гончарова MultiCan. При расчетах использовалась стандартная матрица внутригрупповых корреляций, подготовленная А.Г. Козинцевым для программы CANON.

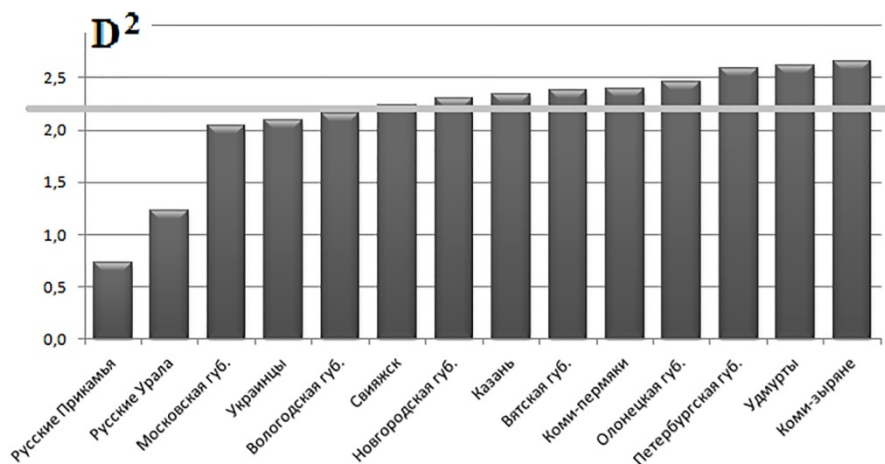

Рис. 2. Ближайшие к томичам выборки по результатам расчета расстояний Махаланобиса (D^2). Серой линией обозначено среднее расстояние между выборками русских европейской части России ($D^2 = 2.2$)

Список наиболее близких к томичам серий в порядке уменьшения степени сходства приведен на рис. 2. В их числе выборки русских с территории Прикамья, Урала, Московской, Вологодской, Новгородской, Вятской, Олонецкой и Петербургской губерний, жители Казани и Свияжска, а также украинцы, коми-пермяки, удмурты и коми-зыряне.

Серии, показавшие наибольшее сходство с томичами, относятся либо к северным областям Европейской России (в их числе выборки не только русских, но и пермских народов), либо к зоне Московско-Сибирского тракта. Исключение составляет выборка украинцев, единственная из всех географически связанная с южными территориями.

В целом полученные результаты являются относительно хорошо интерпретируемыми с исторической точки зрения, и все же, безусловно, часть перечисленных групп могла оказаться относительно близкой к томской выборке по случайным причинам. Морфологическое сходство краниологических выборок, оценивается ли оно при помощи визуально-типологического подхода или статистических методов, необяза-

тельно отражает генетическое родство. Как показывают специальные исследования, краниологические различия между популяциями отчасти могут также объясняться давлением средовых факторов, а отчасти – изоляцией расстоянием. Картины межпопуляционной дифференциации по краниометрическим и генетическим показателям, как правило, хорошо согласуются между собой при широком масштабе сопоставления (континентальном, межконтинентальном), однако они могут значительно расходиться на локальном уровне и совершенно не совпадать на внутригрупповом (см., например: Straus, Hubbe 2010; Smith et al. 2016).

Если в качестве условной верхней границы близкого сходства взять среднюю величину расстояния Махаланобиса между европейскими выборками русских ($D^2 = 2.2$), то в число близких томичам выборок войдут всего пять групп: русские Прикамья, Урала, Московской и Вологодской губерний, а также сборная серия украинцев. При этом первые две выборки характеризуются максимальным сходством как между собой ($D^2 = 0.87$), так и с томской серией ($D^2 = 0.73$ и 1.23 соответственно).

**Средние значения краниометрических признаков
у русских Прикамья и Томска (мужчины)**

№ признака	Пыскор (XVI в.)			Гольяны (XVII–XVIII вв.)			Сарапул (XVII–XVIII вв.)			Прикамье (суммар.)		Томск (XVII–XVIII вв.)	
	n	X	sd	n	X	sd	n	X	sd	n	X	n	X
1	9	176.0	6.5	14	181.8	6.4	32	181.8	7.2	55	180.8	19	180.6
8	9	145.0	7.3	14	142.4	4.6	31	144.6	3.6	54	144.1	19	143.8
8:1	9	82.4*	–	14	78.5	4.0	31	79.8	3.4	54	79.9	19	79.7
17	9	136.0	4.2	13	136.9	4.8	29	137.6	4.9	51	137.2	17	136.9
5	–	–	–	13	104.3	3.6	29	103.4	4.9	42	103.7	18	103.6
9	9	98.2	4.8	14	97.3	3.1	33	96.9	4.5	56	97.2	19	97.6
40	–	–	–	7	99.7	4.0	23	97.9	5.7	30	98.3	18	100.2
43	–	–	–	13	106.2	3.2	24	106.0	4.4	37	106.0	18	107.8
45	8	133.0	6.0	12	132.8	5.0	21	135.0	4.3	41	134.0	18	136.8
46	–	–	–	12	94.4	3.6	22	97.3	8.6	34	96.3	–	–
48	8	71.4	2.4	12	69.3	4.2	23	73.0	4.1	43	71.7	18	73.1
55	8	50.8	2.7	12	50.3	4.2	25	52.6	3.1	45	51.6	18	52.8
54	8	24.7	1.5	12	25.7	3.3	25	26.2	2.1	45	25.8	18	26.4
51	9	42.2	1.7	14	43.1	1.4	26	42.5	2.3	49	42.6	18	43.6**
52	9	32.4	1.9	14	32.1	2.4	26	33.2	2.9	49	32.8	18	33.3
SC	–	–	–	13	10.8	1.7	27	9.1	2.1	40	9.6	–	–
SS	–	–	–	13	4.2	0.8	27	4.1	1.1	40	4.1	19	5.0
SS:SC	–	–	–	13	40.1	10.5	27	45.6	10.5	40	43.8	19	46.6
77	9	140.0	3.9	12	138.6	5.4	24	139.3	3.3	45	139.3	19	139.3
Hzm'	7	129.0	6.3	12	129.9	5.0	25	127.4	4.0	44	128.3	18	129.2
75(1)	7	27.9	7.7	8	30.4	6.9	11	28.4	5.2	26	28.9	18	27.7

* – признак рассчитан по средним; ** – признак рассчитан путем умножения среднего значения 51a на коэффициент 1.067 в соответствии с (Алексеев, Дебец 1964: 60).

Уральская выборка представлена неопубликованными данными Е.О. Святовой, характеризующими население XVII–XIX вв. Екатеринбург, Верхотурья, Каменска-Уральского, Туринска, Ревды и Челябинска. Выборка Прикамья включает неопубликованные данные автора по населению Гольян и Сарапула XVII–XVIII вв., а также материалы XVI в. Е.М. Макаровой из некрополя Пыскорского Спасо-Преображенского монастыря (Макарова 2016). Сборные серии жителей Урала и Прикамья очень сходны между собой по краниометрическим характеристикам, хотя внутри регионов средние значения некоторых показателей заметно расходятся. Примечательно, что эти выборки сближаются с томичами не только по сумме параметров, но и по тем конкретным признакам, которые выделяют томичей на фоне большей части опубликованных серий русских. Во всех трех случаях наблюдается увеличение высотных размеров лицевого скелета (верхней высота лица, высоты носа, орбит) относительно средней характеристики русского населения. Это сходство особенно отчетливо проявляется при сопоставлении томской выборки с жителями Сарапула (см. таблицу).

Причины сходства помогают объяснить исторические источники. В формировании демографической (и, возможно, антропологической) картины населения Русского Севера в конце XVII – начале XVIII в. значительную роль играли внутренние переселенческие потоки. Например, переписные книги 1678–79 гг. Соли Камской (с которой свое происхождение связывала часть служилых людей Томска) показывают, что ее население в значительной степени формировалось за счет уроженцев из других поморских уездов (Александров 1964).

Крестьяне Западного Поморья переселялись в Северное Приуралье, крестьяне Северного Приуралья – в Западную Сибирь, Западной Сибири – в Восточную. Те уезды, которые привлекали наибольшее число крестьян, одновременно являлись территориями, из которых происходило заселение новых земель (например, Соликамский и Кунгурский уезды на Урале, Верхотурский – в Сибири) (Водарский 1977). Относительная близость выборки русских Прикамья к Восточному Поморью, с одной стороны, и Уральскому региону – с другой (в последнем случае не только географическая, но и антропологическая), показывает, как именно могло возникнуть ее сходство с томской выборкой. Территория Прикамья входила своей частью в ту «транзитную» зону, через которую поток переселенцев из Поморья проникал в Западную Сибирь. При этом косвенные антропологические данные позволяют говорить, что роль населения центральных и восточных районов Поморья в формировании населения Томска была более высокой, чем населения западных районов: выборки Прикамья, Вятской, Вологодской губерний входят в число близких томичам серий, однако ни карельские группы, ни русские Беломорья такого сходства с сибиряками не демонстрируют.

К сожалению, какие-либо палеоантропологические данные, по которым можно было бы судить об антропологических особенностях русского населения XVII–XVIII вв., проживавшего в северных районах Европейской России, на территории от Северной Двины и до Пермского Предуралья, отсутствуют. В настоящее время невозможно проверить гипотезу о близости краниологических характеристик русских Прикамья и Восточного и Центрального Поморья. Обращение к соматологическим данным не позволяет решить эту проблему. Локальные группы населения Русского Севера демонстрируют значительную вариабельность тех признаков, которые можно было бы сопоставить с краниометрическими показателями, в том числе признаков, которые отличают томичей на общем фоне русских групп (см. карты в: Происхождение... 1956; Витов 1997). Результаты исследования В.Е. Дерябина, проанализировавшего при помощи методов многомерной статистики цифровой материал Русской антропологической экспедиции, позволяют говорить об определенном антропологическом сходстве локальных групп русского населения, проживающих на территории современных Вологодской, Архангельской, Кировской областей и Пермского края по комбинации признаков. В их числе брахикефалия, шестиугольная форма лица с расширенными скулами и часто встречающийся вогнутый профиль спинки носа (Дерябин 2002: 35). Эти результаты согласуются с предположением о морфологической близости серий черепов населения Прикамья и центральных и восточных областей Поморья. И все же их нельзя назвать ни полными, ни доказывающими существование такого сходства на период XVII–XVIII вв. Таким образом, следует признать, что интерпретация сходства краниологических серий русских Прикамья и Томска как результата включения в их состав общих групп населения, связанных своим происхождением с обширной зоной Центрального и Восточного Поморья, опирается сегодня главным образом на письменные, а не палеоантропологические источники.

Заключение

Основная проблема антропологического изучения населения Томска XVII–XVIII в. заключается не столько в объективном отсутствии аналогий в краниологической характеристике томичей среди групп европейской части России, сколько в недостаточной изученности того региона, с населением которого следует связывать происхождение томичей в первую очередь. Исследования Д.В. Пежемского позволяют вновь вернуться к вопросам о формулировании конкретных целей краниометрических исследований, касающихся поздних этапов истории городского населения, а также применимости к их осуществлению традиционных методов анализа в условиях неполноты информации об анализи-

руемых выборках и отсутствия необходимого круга сравнительных данных. Возможно, с некоторыми оговорками мы имеем право использовать данные соматологии, полученные в XX в., для реконструкции краниометрической характеристики населения предшествующих периодов. Возможно, мы можем также использовать в сравнительном анализе выборки с территорий, являющихся смежными с зонами белых пятен в краниологии, и пытаться устанавливать тенденции в географической изменчивости конкретных краниометрических признаков, проецируя данные на гипотетическую характеристику неизученного населения. Но, во всяком случае, необходимость сбора исторических сведений о происхождении изучаемого населения как первого шага в планировании краниологического (биологического по сути) анализа может считаться несомненной. Что касается других проблем, затронутых Д.В. Пежемским, очевидно, что использованные им приемы статистического анализа создают лишь иллюзию разрешимости вопросов о межисследовательских расхождениях в изучении томской серии и реальности морфологических вариантов, выделенных при помощи визуально-типологического подхода. Опубликованные данные явно недостаточны для постановки таких задач.

Автор выражает искреннюю признательность А.А. Евтееву, Д.С. Иконникову, Е.М. Макаровой, Д.В. Пежемскому, А.В. Рассказовой и Е.О. Святовой за возможность использовать при проведении сравнительного анализа неопубликованные данные.

Примечания

¹ К сожалению, монография С.М. Чугунова оказалась библиографической редкостью, недоступной для ознакомления, а Д.В. Пежемский, как и В.А. Дремов, не рассчитывал показатели выборочной дисперсии признаков.

² Полный список привлеченных к анализу серий с указанием источников оформлен в виде приложения к данной статье и доступен на сайте <https://kunstkamera.academia.edu/IvanShirobokov>

Литература

- Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.
- Багашев А.Н., Антонов А.Л. Особенности антропологии населения г. Томска XVII–XVIII вв. (Воскресенская Гора) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Вып. 4: Материалы итоговой научной сессии Ученого совета Института проблем освоения Севера СО РАН 2002 г. Тюмень, 2002. С. 74–77.
- Витов М.В. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера. М.: ИЭА РАН, 1997.
- Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. М.: Наука, 1977.
- Дерябин В.Е. Современные восточнославянские народы // Восточные славяне. Антропология и этническая история / отв. ред. Т.И. Алексеева. 2-е изд. М.: Научный мир, 2002. С. 30–59.

- Добрыднев В.А. Поморье и колонизация Западной Сибири: Конец XVI – начало XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2003.
- Дремов В.А. Население Томска в XVII–XVIII вв. // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4: Расогенез коренного населения / отв. ред. А.Н. Багашев. Томск: Изд-во ТГУ, 1998. С. 140–147.
- Жеравина А.Н. Томск в XVIII веке // Томску – 375 лет: сб. статей / отв. ред. И.М. Разгон. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 33–43.
- Зуев А.С., Люцидарская А.А. Этнический состав сибирских служилых людей в конце XVI – начале XVIII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 1. С. 52–69.
- Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004.
- Козинцев А.Г. Концепция общего сходства в антропологии // Современные проблемы и новые методы в антропологии / отв. ред. И.И. Гохман. Л.: Наука, 1980. С. 26–69.
- Козинцев А.Г. О некоторых аспектах статистического анализа в краниометрии // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2015 году / отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб., 2016. С. 381–390.
- Макарова Е.М. Антропологические материалы из раскопок православного некрополя Пысковского Спасо-Преображенского монастыря XVI в. Предварительные результаты исследования // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья: материалы всерос. науч.-практ. конф. (г. Пермь 9–12 февр. 2016 г.). Пермь: ПГНИУ, 2016. С. 208–211.
- Пежемский Д.В. Население Томска XVII–XIX вв. в системе антропологического разнообразия Европейской России // Вестник Томского государственного университета. История. 2017а. № 49. С. 109–114. DOI: 10.17223/19988613/49/20
- Пежемский Д.В. Краниологические особенности населения Томска XVII–XIX веков: сравнительный анализ // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время: материалы междунар. конф., посвящ. 80-летию юбилею Л.А. Чиндиной / отв. ред. М.П. Чёрная. Томск: ДТПринт, 2017б. С. 152–157.
- Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным // Труды ИЭ АН СССР. Новая серия. Т. 88 / отв. ред. В.В. Бунак. М.: Наука, 1965.
- Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк / отв. ред. В.В. Бунак, И.М. Золотарева. М.: Наука, 1973.
- Святова Е.О., Ражев Д.И. Анализ внутригрупповой изменчивости краниологических серий из русских православных кладбищ городов Урала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2 (25). С. 89–98.
- Томск в XVII веке. Материалы для истории города / посмерт. изд. В.А. Горохова. СПб.: Русская скоропечатня, 1911.
- Фризен С.Ю., Нечвалода А.И. Краниология раннеочечового населения Западного Казахстана // Вестник антропологии. 2007. Вып. 15, ч. II. С. 326–343.
- Фризен С.Ю., Пестряков А.П. Краниологические особенности населения Южного Приуралья раннесарматского времени // Вестник Московского университета. Сер. XXIII: Антропология. 2010. № 1. С. 46–57.
- Ханевич В.А. Католики в Томске: 1604–1917 (очерки истории). Томск: Типография ООО «PaylIII мбх», 2015.
- Smith H.F., Hulsey B.I., West (Pack) F.L., Cabana G.S. Do biological distances reflect genetic distances? A comparison of craniometric and genetic distances at local and global scales // Biological Distance Analysis: Forensic and Bioarchaeological Perspectives. 2016. P. 157–179.
- Straus A., Hubbe M. Craniometric similarities within and between human populations in comparison with neutral genetic data // Human Biology. 2010. Vol. 82 (3). P. 315–330.

Shirobokov Ivan G.

ON SOME DISTINCTIVE ANTHROPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE POPULATION OF TOMSK IN THE 17TH TO THE 18TH CENTURIES

DOI: 10.17223/2312461X/22/5

Abstract. The article focuses on the analysis of craniological characteristics of residents of the city of Tomsk in the 17th to 18th centuries in the context of recent studies by D.V. Pezhemsky. It shows that the t-test is principally unsuited for exploring the inter-observer differences in S.M. Chugunov and V.A. Dryomov's measurements of the Tomsk residents' craniological characteristics. The statistical test of significance of differences between craniological types, identified on the basis of visual or statistical evaluation, is shown to be incorrect. By means of calculating Mahalanobis distances (D^2), a group of craniological samples is identified (taken from the territory of Prikamye, the Urals, northern and central regions of the European Russia) which are morphologically similar to the Tomsk group. The historical reason for nonrandomness of the inter-group similarity between the residents of Tomsk, Prikamye, and the Urals is that these samples include the same groups of migrants from the central and eastern parts of the Russian North. This explanation seems most probable even in view of the fact that variability in the craniological characteristics of the local groups in the Russian North has not been sufficiently studied.

Keywords: physical anthropology, craniology, Western Siberia, history of Tomsk

References

- Aleksandrov V.A. *Russkoe naselenie Sibiri XVII – nachala XVIII v. (Eniseiskii krai)* [The Russian population of Siberia in the 17th to the early 18th centuries (the Yenisei region)]. Moscow: Nauka, 1964.
- Alekseev V.P., Debets G.F. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovani* [Cranio-metry. The methodology of anthropological research]. Moscow: Nauka, 1964.
- Bagashev A.N., Antonov A.L. Osobennosti antropologii naseleniia g. Tomsk XVIII–XVIII vv. (Voskresenskaia Gora) [Distinctive features of the anthropology of the population of Tomsk in the 17th to the 18th centuries (The Resurrection Hill)]. In: *Problemy vzaimodeistviia cheloveka i prirodnoi sredy. Vyp.4. Materialy itogovoi nauchnoi sessii Uchenogo soveta Instituta problem osvoeniia Severa SO RAN 2002 g.* [Problems of the interaction between man and nature. Issue 4. Proceedings of the Scientific Council's Concluding Session at the Institute of Northern Development Issues]. Tiumen', 2002, pp. 74–77.
- Vitov M.V. *Antropologicheskie dannye kak istochnik po istorii kolonizatsii Russkogo Severa* [Anthropological data as a source on the history of colonisation of the Russian North]. Moscow: IEA RAN, 1997.
- Vodarskii Ia.E. *Naselenie Rossii v kontse XVII – nachale XVIII veka* [The population of Russia in the late 17th to the early 18th centuries]. Moscow: Nauka, 1977.
- Deriabin V.E. *Sovremennye vostochnoslavianskie narody* [East Slavic peoples today]. In: *Vostochnye slaviane. Antropologiya i etnicheskaya istoriya. Otv. red. T.I. Alekseeva. 2-e izd.* [East Slavs. Anthropology and ethnic history. Edited by T.I. Alekseev. 2nd edition]. Moscow: Nauchnyi mir, 2002, pp. 30–59.
- Dobrydnev V.A. *Pomor'e i kolonizatsiia Zapadnoi Sibiri: Konets XVI – nachalo XVIII v. Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni k.i.n.* [Pomorje and the colonisation of Western Siberia: the late 16th to the early 18th centuries]. Arkhangel'sk, 2003.
- Dremov V.A. *Naselenie Tomsk v XVII–XVIII vv.* [The population of Tomsk in the 17th to the 18th centuries]. In: *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri. T. 4: Rasogenez koren'nogo naseleniia. Otv. red. A.N. Bagashev* [Essays on the cultural genesis of the peoples of Western Siberia. Vol. 4: The genesis of indigenous peoples. Edited by A.N. Bagashev]. Tomsk: Izd-vo TGU, 1998, pp. 140–147.

- Zheravina A.N. Tomsk v XVIII veke [Tomsk in the 18th century]. In: *Tomsku – 375 let: sb. statei. Otv. red. I.M. Razgon* [The 375th anniversary of the foundation of Tomsk: a collection of papers edited by I.M. Razgon]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1979, pp. 33–43.
- Zuev A.S., Liutsidarskaia A.A. Etnicheskii sostav sibirskikh sluzhilykh liudei v kontse XVI – nachale XVIII veka [The ethnic composition of the Siberian service people the late 16th to the early 18th centuries], *Vestnik NGU. Seriya: Istorii, filologiya*, 2010, Vol. 9, no. 1, pp. 52–69.
- Kationov O.N. *Moskovsko-Sibirskii trakt i ego zhiteli v XVII–XIX vv.* [The Moscow-Siberia Road and the population of the adjacent territories in the 17th to the 19th centuries]. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2004.
- Kozintsev A.G. Kontsepsiia obshchego skhodstva v antropologii [The concept of general similarity in anthropology]. In: *Sovremennye problemy i novye metody v antropologii. Otv. red. I.I. Gokhman* [Contemporary issues and new methods in anthropology. Edited I.I. Gokhman]. Leningrad: Nauka, 1980, pp. 26–69.
- Kozintsev A.G. O nekotorykh aspektakh statisticheskogo analiza v kranimetrii [On some aspects of statistical analysis in craniometry]. In: *Radlovskii sbornik. Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2015 godu. Otv. red. Iu.K. Chistov* [The Radlovskii collection. Research studies and museum projects of MAE RAN in 2015. Edited Yu.K. Chistov]. St. Petersburg, 2016, pp. 381–390.
- Makarova E.M. Antropologicheskie materialy iz raskopok pravoslavnogo nekropolia Pyskorskogo Spaso-Preobrazhenskogo monastiria XVI v. Predvaritel'nye rezul'taty issledovaniia [The anthropological materials from the excavations of the 16th century Christian Orthodox Pyskorskiy Spaso-Preobrazhenskiy Monastery. Preliminary research results]. In: *XV Baderovskie chteniia po arkheologii Urala i Povolzh'ia: materialy vsenos. nauch.-prakt. konf. (g. Perm' 9–12 fevr. 2016 g.)* [The 15th Bader Readings in the archeology of the Urals and Povolzhie: Research and Practice-Oriented Conference Proceedings (9–12 February 2016, the city of Perm)]. Perm: PGNIU, 2016, pp. 208–211.
- Pezhetskii D.V. Naselenie Tomsk XVIII–XIX vv. v sisteme antropologicheskogo raznoobraziia Evropeiskoi Rossii [The population of Tomsk in the 17th to the 19th centuries and the anthropological diversity of the European Russia], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, 2017a, no. 49, pp. 109–114. DOI: 10.17223/19988613/49/20
- Pezhetskii D.V. Kranilogicheskie osobennosti naseleniia Tomsk XVIII–XIX vekov: sravnitel'nyi analiz [Distinctive craniological characteristics of the population of Tomsk in the 17th to the 19th centuries: a comparative analysis]. In: *Kul'tury i narody Severnoi Evrazii: vzgliad skvoz' vremia. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennaia 80–letnemu iubileiu L.A. Chindinoi. Otv. red. M.P. Chernaia* [The cultures and peoples of Northern Eurasia: a glance through time. Proceedings of the international conference devoted to the 80th anniversary of L.A. Chindina. Edited by M.P. Chyornaya]. Tomsk: D'Print, 2017b, pp. 152–157.
- Proiskhozhdenie i etnicheskaiia istoriia russkogo naroda po antropologicheskim dannym (Trudy IE AN SSSR. Novaia seriia. T. 88). Otv. red. V.V. Bunak* [The origins and ethnic history of the Russian people according to anthropological data (Writings of the Institute of Ethnography, the USSR Academy of Sciences. New series. Vol. 88. Edited by V.V. Bunak)]. Moscow: Nauka, 1965.
- Russkie starozhily Sibiri. Istoriko-antropologicheskii ocherk. Otv. red. V.V. Bunak, I.M. Zolotareva* [The early Russian population of Siberia. An essay in history and anthropology. Edited by V.V. Bunak and I.M. Zolotareva]. Moscow: Nauka, 1973.
- Sviatova E.O., Razhev D.I. Analiz vnutrigruppovoi izmenchivosti kranilogicheskikh serii iz russkikh pravoslavnykh kladbishch gorodov Urala [Analysis of in-group variability in craniological series from the Russian Christian Orthodox cemeteries in the Ural cities], *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2014, no. 2 (25), pp. 89–98.

- Tomsk v XVII veke. Materialy dlia istorii goroda. Posmert. izd. V.A. Gorokhova* [Tomsk in the 17th century. Materials for a history of the city. Posthumous edition of V.A. Gorokhov]. St. Petersburg: Russkaia skoropechatnia, 1911.
- Frizen S.Iu., Nechvaloda A.I. Kraniologičeskie rannekočevogo naseleniia Zapadnogo Kazakhstana [The craniology of the early nomadic population of Western Kazakhstan], *Vestnik antropologii*, 2007, Vol. 15, Issue II, pp. 326–343.
- Frizen S.Iu., Pestriakov A.P. Kraniologičeskie osobennosti naseleniia Iuzhnogo Priural'ia rannesarmatskogo vremeni [Distinctive craniological characteristics of the population of South Urals in early Sarmatian time], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii XXIII. Antropologii*, 2010, no. 1, pp. 46–57.
- Khanevich V.A. *Katoliki v Tomske: 1604–1917 (očerki istorii)* [Catholics in Tomsk: (essays in history)]. Tomsk: Tipografiia OOO «RauSh mbkh», 2015.
- Smith H.F., Hulsey B.L., West (Pack) F.L., Cabana G.S. Do biological distances reflect genetic distances? A comparison of craniometric and genetic distances at local and global scales. In: *Biological Distance Analysis: Forensic and Bioarchaeological Perspectives*, 2016, pp. 157–179.
- Straus A., Hubbe M. Craniometric similarities within and between human populations in comparison with neutral genetic data, *Human Biology*, 2010, Vol. 82 (3), pp. 315–330.